

§ 5 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: СИСТЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Карпович О.Г.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Аннотация: В настоящей статье представлены результаты анализа некоторых, наиболее острых и актуальных, глобальных проблем международных отношений в контексте формирования нового миропорядка, основанного на принципах многополярности. К числу указанных проблем автор относит хаотизацию международных отношений и погружение мира в «управляемый хаос», борьбу с сетевыми формами международного терроризма и политического экстремизма, противодействие производству и глобальному транзиту наркотиков – проблемой, острота которой многократно возрастает в связи с выводом американских войск из Афганистана; управление международными конфликтами. Автор обращает внимание на то, что многие из этих проблем являются прямым порождением недальновидной политики западных мировых лидеров, в первую очередь – США, которые в своем идеалистическом стремлении построить «демократический мир» от Триполи до Кабула и от Белграда до Астаны, причем любыми средствами, искусственно взрастили, воспитали, консолидировали и вооружили те силы, с которыми им в ближайшие десятилетия придется бороться на всех континентальных фронтах. Примером такой политики могут служить трагедии ливийского, сирийского и югославского народов, ввернутых в пучину гражданской войны, и события, происходящие в Украине.

Abstract: This article contains results of the analysis of some most topical and pressing global problems in the international relations within the context of formation of a new global order based on the multi-polar principles. Among the said problems the author points out chaotization of the international relations and the submersion of the world into the “controlled chaos”, fighting the network forms of international terrorism and political extremism, fighting the production and global transit of drugs, and this problem becomes considerably more topical after the American troops were drawn out of Afghanistan, managing international conflicts. The author pays attention to the fact that many of these problems are directly caused by the short-sighted policy of the Western global leaders, first of all the USA, who, while following their idealistic pursuit of forming a “democratic world” from Tripoli to Kabul, from Belgrade to Astana by any means, artificially formed, educated, consolidated and armed the forces, which they would end up fighting against at all of continental fronts. The examples of such policy include the tragedies of the Libyan, Syrian, Yugoslavian peoples, who were brought to the civil war, and the situation in Ukraine.

Ключевые слова: международные отношения, политика, право, глобальные проблемы, управляемый хаос, дипломатия, государство, интересы, безопасность, ценности.

Keywords: international relations, politics, law, global problems, controlled chaos, diplomacy, interests, security, values.

Современный мир переживает эпоху глобальных изменений. Современная политическая действительность «все больше определяется глобальной политической нестабильностью, в которую мир перешел в результате эрозии вестфальской системы. На фоне ее распада и хаотизации международных отношений происходит формирование нового миропорядка, основанного на принципах многополярности»¹. При

этом система международных отношений становится все более анархичной². Наблюдается нарастающий кризис идеи «демократического мира» – стержневого концепта эпохи однополярности³.

Темпы и скорость глобальных изменений непрерывно растут: всего один год потребовался западных

¹ Будаев А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений). Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. М.: ДА МИД РФ, 2014.

² Wendt A. Anarchy is What States Make of It: the Social Construction of Power Politics // International Organization. – Vol.46, no.2. – Spring 1992. – P.391-425.

³ Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. – 2005. – №3.

Международные отношения: системы взаимодействия

политтехнологам для того, чтобы превратить спокойную и процветающую Северную Африку, некоторые страны которой – такие как Тунис, – по уровню жизни практически ничем не отличались от южных департаментов Франции, в очаг жесточайшей гражданской войны, международного терроризма и радикального исламизма. Теперь такая же участь ждет Сирию, а вместе с ней и весь Ближний Восток, включая главного непримиримого оппонента США – Иран.

Создается впечатление того, что сегодня эрозии подвергаются сами основы Вестфальской системы, разрушаются платформы и механизмы, которые на протяжении многих десятилетий служили делу поддержания мира и политической стабильности, сохранению баланса между различными силами и группам интересов в глобальной политике. Сегодня все это стремительно распадается на отдельные фрагменты под натиском правового нигилизма, двойной морали и «управляемого хаоса». В образовавшийся вакуум стремятся проникнуть силы, которые долгое время выступали идейными противниками демократического мира с его универсальными общечеловеческими ценностями: политические экстремисты и радикалы, террористы, исламисты всех мастей, националисты и, наконец, на примере Украины – неонацисты. Многие годы на пути этих сил стояли международные организации, возникшие после окончания Второй мировой войны и призванные не допустить ее повторения; светские режимы Ближнего Востока и Африки, которые вели непримиримую борьбу с исламскими радикалами; наконец, был Советский Союз и социалистический лагерь, который поддерживал мировой баланс. Сегодня Советского Союза нет, НАТО переключилось на задачи глобального управления. СФРЮ в результате распада превратило Балканы в «пороховой погреб» Европы, а, возможно, и всего мира. Устоявшуюся за многие десятилетия систему государственного управления в арабских странах смели цветные революции Арабской Весны, погрузив регион в вооруженный хаос, в котором американцы пытаются выстроить новую архитектуру международных отношений, близкую к их идеалам североамериканского «демократического мира»; технологии цветных революций, отработанные в Ливии и Сирии, перекинуты на Украину, стоящую на пороге гражданской войны по югославскому или ливийскому сценарию.

Однако, даже сталкиваясь с все новыми и новыми глобальными проблемами и вызовами, мы по-прежнему в большинстве своем остаемся неисправимыми оптимистами: несмотря на полный хаос

в международных отношениях, называемый некоторыми политиками «управляемым», мы продолжаем верить в то, что мир, стремительно погружаясь в пучину конфликтов и войн, все-таки меняется к лучшему. Вот и сегодня в сознании многих граждан продолжает существовать миф о том, что с окончанием холодной войны мир окончательно завершил свое существование в рамках конфликтной парадигмы и перешел на новый, более высокий и качественный уровень своего развития, характеризуемый снижением конфликтности во всех без исключения регионах мира.

Глобальные проблемы международных отношений связаны сегодня, в первую очередь, с тремя основными факторами: нарастающей хаотизацией международных отношений, тесно смыкающейся с цветными революциями на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а с недавнего времени и на Украине; международными конфликтами, которые ООН разрешить не в состоянии; борьбой с сетевыми формами международного терроризма и афганским наркотрафиком, являющимся одновременно и источником ресурсов для террористических организаций, и фактором, который США активно используют для ослабления своего стратегического конкурента – набирающего мощь Европейского Союза.

Одной из наиболее острых глобальных проблем развития человеческой цивилизации в свете событий на Ближнем Востоке и продолжающегося кризиса в Украине становится волна хаоса, охватившего регионы, который Соединенные Штаты считают «управляемым» и видят в нем новый инструмент демократизации современного мира, а остальные страны, включая Россию, рассматривают этот процесс как всеобщее бедствие и надвигающуюся глобальную катастрофу. «Управляемый хаос», охватывающий все большие территории на волне цветных революций Арабской Весны и Евромайдана, гомогенизирует структуру традиционных обществ, разрушая общинный уклад и превращая общество в набор «вброшенных в него» индивидуумов, лишенных защиты общины и институтов гражданского общества от любого внешнего деструктивного воздействия. На волне управляемого хаоса происходит взлом и разрушение исторически сформировавшихся в регионах систем и механизмов коллективной безопасности, существующих балансов сил. В образовавшийся вакуум приходят не демократы и либералы, а националисты, неонацисты (как в Украине) и исламисты, в том числе радикальные. Для системы международных отношений создается глобальная проблема, настолько подрывающие фундаментальные основы

существующего миропорядка, что возникает вопрос о самом ее дальнейшем существовании.

С управляемым хаосом тесно связана глобальная проблема управления международными конфликтами. Задача урегулирования и разрешения международных конфликтов не теряет в современных условиях свою актуальность, напротив: сегодня мы отчетливо видим, как в результате осуществляемого Соединенными Штатами сознательного демонтажа ялтинско-потсдамской системы мироустройства рушится вся система международной безопасности, мир стремительно погружается в хаос больших и малых войн, этнополитических и религиозных конфликтов. Как показала война в Ливии и демонстрирует сейчас вооруженный конфликт в Сирии, в условиях обостряющейся борьбы мировых лидеров за власть региональные конфликты с легкостью перерастают свои начальные рамки и выливаются в более масштабные столкновения, вплоть до глобальных войн. Деятельность США, их партнеров (НАТО, Саудовская Аравия, Катар) по «силовому умиротворению» и «принуждению к демократии» в различных регионах мира не только не устраняет первопричины протекающих там политических конфликтов, но во многих случаях приводит к их эскалации и переходу на новый, более масштабный, уровень. При этом в большинстве стран, во внутренние дела которых США вмешиваются в роли «миротворца», они делают ставку и сотрудничают с теми самыми политическими силами и режимами, которые во всем мире принято называть «террористическими» и «экстремистскими». Так, в Афганистане США активно сотрудничают с талибами (на уровне самых настоящих партнерских отношений), а в гражданской войне в Ливии решающую роль в уничтожении армейских частей, верных Каддафи, сыграли боевые отряды Аль-Кайды, стоявшие на острие удара, нанесенного совместно силами НАТО и мятежников. И сейчас среди полевых командиров так называемой объединенной сирийской оппозиции не менее половины – руководители боевых ячеек Аль-Кайды, вышедшие из подполья, в которое их загнал президент Башар Асад. В конфликте в Украине на стороне неонацистов, пришедших к власти, выступают наемники из американских частных военных компаний и все те же исламисты, которым все равно где воевать против России. Вместе с тем, современные международные конфликты и кризисы оставляют ведущим мировым лидерам, осуществляющим миротворческую деятельность, все меньше возможностей для применения чисто военных решений.

В этой связи на передний план внешней политики мировых лидеров выдвигается мягкая сила⁴, о которой все чаще говорят в российских политических кругах. Сегодня ко многим приходит понимание того, что в условиях нарастающей политической нестабильности и погружения мира в «управляемый хаос» только мягкая сила и может быть эффективной. Кроме того, мягкая сила – это одновременно и инструмент великих держав, которым могут владеть только признанные или состоявшиеся лидеры, и, одновременно, индикатор, позволяющий судить о том, является ли данное государство мировым лидером, или только делает вид.

По мнению российского дипломата А.В. Будаева, мягкая сила «в современной мировой политике играет все более заметную роль, которая непрерывно возрастает с изобретением новых способов, методов и технологий информационно-психологического воздействия на международное сообщество, властные мировые элиты и правительства национальных государств. Возникнув как стержневой концепт школы американского политического либерализма, мягкая сила оказала существенное влияние на формирование внешней политики США в Афганистане, Ираке, государствах Центральной Азии, Восточной Европы, породив концепции «демократического мира», «экспорта демократии» и сформировав иррациональное (идеалистическое) направление американской внешней политики. Такие технологии американской мягкой силы как цветные революции известным образом проявили себя в странах европейского типа и в традиционных государствах Азии, Африки, Ближнего Востока, став ядром сценария революций «Арабской Весны» – технологий внешнего управления регионом в условиях политической нестабильности и нарастающего кризиса»⁵. Как справедливо отмечает российский дипломат, «в российской Концепции внешней политики»⁶ мягкая сила появилась лишь в 2013 году, пополнив арсенал инструментов отечественной дипломатии. Между тем, в этой трактовке мягкая сила скорее совпадает с американским определением публичной дипломатии и собственного звучания пока не приобрела. Все это требует уточнения и конкретизации российской концепции мягкой силы,

⁴ См.: *Nye Joseph S. Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics.* New York: Public Affairs Group, 2004.

⁵ *Будаев А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений).* Автореферат дисс... канд.полит.наук. М.: ДА МИД РФ, 2014.

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F

Международные отношения: системы взаимодействия

поскольку копирование западных шаблонов может привести к потерям в российской внешней политике»⁷. С этим мнением трудно не согласиться.

Борьба с международным терроризмом остается глобальной проблемой для всего человечества, которая становится особенно актуальной в связи с выводом Международных сил содействия безопасности (ISAF) в 2014 году.

Основная проблема в том, что в вооруженном противостоянии с североамериканским глобальным неимпериализмом международный терроризм за десять лет войны в Афганистане не только не потерпел сокрушительное поражение, но окреп, усилился благодаря процессам конфликтной мобилизации и окончательно сформировался в виде транснациональных террористических сетей. Можно с уверенностью утверждать, что в борьбе с американским неолиберализмом, стремившемуся повсеместно насаждать североамериканские демократические ценности, прежде разрозненные и противостоящие друг другу радикальные исламистские организации и движения на Ближнем Востоке, в Африке и Западной Азии осознали общность целей, интересов и ценностей и окончательно сплотились на конфедеративной основе⁸. Именно с этим результатом более чем десятилетнего пребывания США в Афганистане придется многие годы разбираться государствам Центральной Азии⁹, России, Индии, Европейскому Союзу.

Сегодня странно осознавать, что еще десять лет назад международный терроризм воспринимался как миф, сконструированный и распропагандированный Вашингтоном для того, чтобы оправдать вторжения в Ирак и Афганистан. Действительно, вся его сила держалась на фобиях, внедренных в сознание американских граждан, и связанных с одним единственным человеком – Усамой бен Ладеном. Возглавляемая им террористическая организация Аль-Кайда (Скала) представлялась американцами действительно глобальной террористической сетью, обладающей неисчерпаемыми ресурсами и способностью дотянуться до каждого гражданина США, хотя в реальности таковой не являлась. Образ Аль-Кайды был в чем-то списан Вашингтоном с устойчивых образов нью-йоркской и

сицилийской мафии, укоренившихся в американском и европейском сознании и неизменно вызывающих реакцию панического страха, возникающую на уровне рефлексов. Такое внимание американских пропагандистов к Аль-Кайде и ее лидеру сделало эту организацию одной из самых популярных среди радикальной исламской молодежи и позволило создать свои представительства и ячейки во многих мусульманских странах (в том числе даже одно «официальное» в Катаре), сформировать на их базе вооруженные отряды из местных национальных элементов, которые затем приняли участие во всех революциях Арабской Весны, воевали во главе со своими полевыми командирами против Каддафи, поддержали туарегов во время их восстания в Мали, а сегодня воюют против Башара Асада, выступая на стороне мятежников из так называемой Свободной армии Сирии.

Пока еще точно не ясно, собираются ли американцы полностью уйти из региона или «уйти так, чтобы остаться». Фактические данные позволяют говорить о вероятности и того, и другого сценария. Так, Б. Обама неоднократно заявлял, что к концу 2014 года в Афганистане не останется ни одного солдата армии США. Вероятно, он это обещание выполнит, но выполнит буквально: под «армией США» в Пентагоне понимают аналог наших Сухопутных войск. Ни отдельный корпус морской пехоты, ни подразделения (полки, бригады, дивизии) Министерства внутренней (или, как еще его называют – национальной) безопасности, ни ВВС в эту категорию не входят. Так, 10-я легкая горная дивизия, оперирующая в горных районах Афганистана и входящая в состав подразделений, подчиненных Министерству внутренней безопасности США (Department of Homeland Security, DHS), остается за рамками обещаний, данных Б. Обамой. Не входят также в число военнослужащих армии США и многочисленные контингенты частных военных компаний (таких как «X-Team», ранее носившая более известное название «Black Water»), на долю которых приходится более половины всех военных операций против талибов в Афганистане и партизан в Ираке: эти современные наёмники, удачно скрывающиеся под легендой частных военных компаний, вообще не являются комбатантами, это коммерсанты и бизнесмены, которые уйдут из страны только тогда, когда это будет им выгодно. Вполне возможно, что какая-то часть этих контингентов останется в Афганистане и после 2014 года, включая подразделения корпуса морской пехоты, которым Президент США может распоряжаться по своему усмотрению, без согласования с Конгрессом.

⁷ Будаев А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений). Автореферат дисс... канд.полит.наук. М.: ДА МИД РФ, 2014.

⁸ Манойло А.В. Интересы внешней политики США в Афганистане. // Национальная безопасность/nota bene. – 2012. – №3. – С. 76-81.

⁹ Николаев С.А. Центральная Азия в геополитике: американский вектор (1991-2008 гг.) // Международная жизнь. 2011. № 2. С.27-44.

После вывода американских войск возникнет две проблемы, которые уже сейчас привлекают внимание всего мирового сообщества, кроме самих США: что делать с наркотрафиком и куда девать талибов, которых никто уже не будет сдерживать. Ито, и другое – значительный ресурс, который после ухода американцев станет временно бесхозным и который многие политические силы были бы не прочь заполучить. Вполне вероятно, что Афганистан находится на пороге новой войны – за «американское наследство».

После 2014 года талибы лишатся главной цели своей борьбы – истребления американцев, которых после 2014 года станут в Афганистане экзотическим и дефицитным товаром. Дальнейшая их активность будет направлена на правительство Карзая, который, являясь ставленником Вашингтона, не сможет долго удерживать власть: Карзай, получивший образование в Индии, по происхождению пуштун, но пуштуны его не поддерживают. После неизбежного падения «демократического режима» Карзая рухнут не только последние надежды на строительство либерально-демократического государства в Афганистане, по североамериканскому шаблону, но и возникнет вакуум в отношении целей, на которых будет направлена дальнейшая экспансия талибов. То, что талибы вряд ли ограничатся в своей «исламско-просветительской деятельности» границами своего национального государства, вряд ли подлежит сомнению. Следовательно, для США сейчас главное – куда-нибудь талибов пристроить, занять их новым делом, желательно, подальше от границ своего союзника Пакистана, который не без оснований опасается за свою территориальную целостность: талибы по своему национальному составу в основном пуштуны, а в Пакистане пуштунов проживает больше, чем во всем Афганистане, вместе взятом, и многие из них одержимы идеями создания собственного национального государства – Пуштунистана. Не говоря уже о том, чтобы отвлечь их от возвращения к идее террористических атак на территорию Соединенных Штатов, утратившей свою актуальность после уничтожения американцами основных баз Аль-Кайды в первые два месяца после вторжения в Афганистан. Не случайно теперь США, формально продолжающие вести непримиримую войну с террористами, на деле стремятся выстраивать с ними партнерские отношения, откупаясь от атак на свои военные базы в Афганистане или формируя из вооруженных отрядов региональных ячеек Аль-Кайды в Ливии, Сирии и Египте штурмовые отряды, воюющие против алавитского режима Башара Асада. Видимо, идея переключить военную экспансию талибов на неугодные

США режимы в Сирии и других странах Востока популярна в администрации Президента Б. Обамы.

Против угрозы со стороны Талибана Россия и государства Центральной Азии стремятся создать барьер в виде ОДКБ¹⁰, имеющего собственные вооруженные силы, предназначенные для отражения угроз региональной безопасности. В Душанбе продолжает дислоцироваться 201-я дивизия ВС России, в которой руководство Таджикистана видит единственную силу, способную остановить военную агрессию исламистов (если они перейдут таджикско-афганскую границу) или очередную цветную революцию. Однако, если афганский исламизм, подпитанный живой силой из других горячих точек Северной Африки и Ближнего Востока (Ливия, Сирия, Мали, ЦАР), двинет свои силы в Центральную Азию, это станет серьезной проблемой даже для объединенной группировки ОДКБ. Вот почему России в целом выгодно, чтобы США как можно дольше оставались в Афганистане, сдерживая тем самым напор и экспансию исламизма у границ СНГ.

Не менее опасна угроза, исходящая от талибов, и для Пакистана – ядерной державы, с 2007 года балансирующей на грани распада. Дело в том, что значительная часть талибов – это пакистанские пуштуны из Кашмира. Ввод американских войск в Афганистан на время снизил остроту этой угрозы для пакистанского правительства – война против антитеррористического альянса США и других западных стран оттянула этот контингент в Афганистан, в зоны боев и диверсионной войны против «крестоносцев». Пакистан справедливо опасается того, что после ухода США из Афганистана пакистанские пуштуны начнут возвращаться обратно в Кашмир, что приведет к дестабилизации обстановки в этом регионе, в котором продолжает тлеть неурегулированный территориальный конфликт с Индией. Вместе с тем, руководство Пакистана также довольно отчетливо понимает, что после ухода американцев Талибан станет в Афганистане единственной силой, которая способная взять на себя управление государством (на Карзая не делают ставку даже сами Соединенные Штаты: сколько продержится – столько продержится) и с которой придется иметь дело. В этих условиях Пакистан сам пытается найти приемлемую форму взаимодействия с талибами, видя в них будущих хозяев Афганистана. Подтверждением этого заключения может служить тот факт, что в течение последнего года пакистанцы выпустили по амнистии

¹⁰ Николаев С.А. Центральная Азия в геополитике: американский вектор (1991-2008 гг.) // Международная жизнь. 2011. № 2. С.27-44.

Международные отношения: системы взаимодействия

из тюрем не менее двух десятков видных деятелей Талибана, многие из которых отбывали пожизненное заключение за террористическую деятельность.

Второй проблемой остается проблема афганского наркотрафика, того самого, который процветал в Афганистане в период войны талибов с Северным Альянсом, был практически искоренен (вопреки распространенному мнению) талибами после захвата Кабула и блокирования отрядов Масуда в его родном Паншерском ущелье, и получил «вторую жизнь» при американцах, возродивший на подконтрольных территориях этот афганский «народный промысел». Многие исследователи отмечают, что за период американского военного присутствия афганский наркотрафик увеличился фактически в два раза. Причины этого явления понятны: для продолжения войны нужны деньги, которые в Афганистане с его полностью разрушенной экономикой, разрушенной промышленностью и сельским хозяйством можно получить только за счет производства и сбыта наркотиков. В этом плане и российскими, и зарубежными экспертами неоднократно высказывалось предположение о том, что США сознательно патронировали расширение производства наркотиков в Афганистане, получая от этого прибыль, которую они пускали на финансирование военной компании против талибов. Талибы же, в отличие американцев, реально пробовали бороться с наркотрафиком – ислам запрещает потребление правозверными наркотиков (за исключением медицинских целей), это харам. Однако и они особого успеха в этом деле не достигли (или до конца не захотели), хотя и уничтожили довольно большое количество посевов.

Куда пойдет наркотрафик после вывода американцами своих войск из Афганистана? Какие цели он будет финансировать? Военную машину талибов? Этот вопрос остается открытым и открывает широкий простор для дискуссий. США афганский наркотрафик после 2014 года станет малоинтересен: афганские наркотики в США не попадают, у североамериканцев есть другие каналы транзита – из Латинской Америки через мексиканскую границу. Причем на этом маршруте действуют транснациональные картели, образовавшиеся в результате успешного сращивания американской организованной преступности (нью-йоркской мафии, и не только) с латиноамериканскими преступными синдикатами, занимающимися, помимо наркоторговли, еще и нелегальной миграцией. Но проблема афганского наркотрафика беспокоит европейских союзников США: афганские наркотики идут через государства Центральной Азии на Балканы, в Косово, и оттуда уже

расходятся по всей Европе. Все это побуждает европейцев убеждать американцев оставить в Афганистане ограниченные силы, основной целью которых будет профессиональная борьба с наркотрафиком, осуществляемая совместно с тем режимом, который придет на смену правительству Карзая – даже если этот режим установят талибы.

Для России, также как и для объединенной Европы, афганский наркотрафик относится к разряду первоочередных проблем, выходящих за рамки регионального масштаба. Вместе с тем, на пути потока афганских наркотиков стоят центральноазиатские государства, с которыми России необходимо укреплять сотрудничество в борьбе с наркотрафиком.

Очевидно, что усилиями одной группы стран эту проблему не решить – необходимо объединение усилий всех демократических государств, с тем, чтобы создать евразийскую систему пресечения наркопотоков; необходимо решить вопрос о ликвидации баз и перевалочных пунктов афганского наркотрафика на Балканах – вопрос, который долгие годы остается замороженным благодаря признанию Косово и формированию на его территории НАТО-государства; необходимо восстанавливать экономику Афганистана и прививать заново его жителям мирные профессии, учитывая, что уже два поколения его граждан родились и выросли в условиях войны и их психика глубоко перестроена на военный лад, в котором право сильного дает и заработок, и положение в обществе; необходимо развивать экономику центральноазиатских государств, снимать ее зависимость от тех доходов, которые (косвенно) дает наркотрафик или причастность к нему; разрушать всю ту сложную и многоуровневую систему региональных экономических отношений, которая сложилась в регионе (включая Пакистан, Центральную Азию, Афганистан) на базе доходов, получаемых от производства наркотиков и их транзита в Европу.

В заключении хотелось бы отметить, что мир вступил в длительный период глобальной нестабильности, в котором основной формой существования системы международных отношений становится «управляемый хаос», а прежние методы реализации внешней политики теряют свою эффективность. В этой новой реальности Россия находится на пересечении интересов ведущих мировых сил, стремящихся к мировому господству: США, Китая, Исламского мира (как суннитского, так и шиитского) и других. Пр этом миролюбивая политика России не устраивает никого: слишком важное геополитическое положение наша страна занимает в Евразии, самим фактом своего

существования мешая реализации захватнических планов и стратегических замыслов нарождающихся новых мировых агрессоров. Вот почему Россия сегодня испытывает колоссальное внешнее давление как со стороны Запада (США, НАТО) – по Сирии и Ирану, так и со стороны Востока (Саудовской Аравии, Японии и др.) которым жизненно необходимо, чтобы Россия не проводила собственный независимый внешнеполитический курс, а позволила бы послушно себя встроить в кильватер западной или восточной политики. Все чаще на Западе звучат слова, что новая демократическая Россия – нежизнеспособное государство, что она всегда будет стоять в оппозиции к мировой политике и к истинно демократическому прогрессу, что для всей западной цивилизации было бы несравнимо лучше и полезнее, если бы Россия была расчленена на два десятка удельных княжеств, в которых демократические ценности точно победили бы. А Сибирь с ее огромными ресурсами, которой Россия владеет в одиночку и ни с кем не делится, вообще должна стать достоянием всей мировой (то есть западной) цивилизации. И это не пустые слова: создание вокруг России пояса политической нестабильности и окружение ее границ глобальной системой ПРО явно указывают на то, что США и НАТО готовы перейти от слов к делу, как только выпадет подходящий момент и повод для вмешательства.

В этих условиях России не просто требуется модернизированная внешняя политика, выверенная под конкретные условия глобального развития, но и полная модернизация существующих внешнеполитических концепций и доктрин, принципов поиска и формирования новых союзов и альянсов, гибкого использования ресурсов реальных и потенциальных союзников, переоценки приоритетов и ориентиров, выработки новых методов воздействия на противостоящие России альянсы. Это тем более необходимо, поскольку сегодня Россия в своей позиции отставания мира на Украине осталась, по сути, в одиночестве: единственным союзником в противостоянии позиции Запада является Китай. В этой системе новых инструментов внешней политики России достойное место должны занять технологии российской мягкой силы и национальные модели противодействия цветным революциям. Для этого у России есть мощный ресурс влияния – ее ценности, привлекающие к себе внимание не только всего славянского мира, но и других цивилизационных общностей. Не случайно Президент Российской Федерации В.В. Путин в послании к Федеральному Собранию от 12 декабря 2013

г. подчеркнул, что «в мире всё больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира»¹¹.

Мы разделяем мнение тех отечественных исследователей, политиков и дипломатов, которые считают, что основные усилия по модернизации внешней политики России должны быть направлены на поддержку процесса выработки и принятия внешнеполитических решений российским руководством и теми участниками международных отношений, которые разделяют позицию и взгляды РФ на события в мире. Помимо этой задачи, модернизированная внешняя политика России должна включать механизмы формирования и трансляции на зарубежные целевые аудитории позитивного образа России, информационной и аналитической поддержки внешнеполитического курса страны и проводимых Россией внешнеполитических акций, включая государственную систему содействия развитию в России гражданского и информационного общества. Только в этом случае внешняя политика России объединит вокруг себя все прогрессивные силы, заинтересованные в будущем России как Великой державы, и станет платформой для генерации передовых идей гармонизации международных отношений и процессов глобального развития, дав новый импульс развитию теории международных отношений и отечественной политической науки в целом. В перспективе на базе российской внешнеполитической концепции, национальной культуры и идеологии должно быть сформировано авторитетное экспертное сообщество в сфере международных отношений и глобального развития, представленное различными акторами международных отношений: государствами и международными организациями, а также субъектами публичной дипломатии. Это позволит международному сообществу получать полное, объективное освещение происходящих в мире событий международного значения, их всестороннюю научную, аналитическую и экспертную оценку, выявлять и исследовать тенденции развития глобального мира, формирования нового миропорядка, новой платформы и архитектуры международных отношений.

¹¹ Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. <http://www.kremlin.ru/news/19825>

Международные отношения: системы взаимодействия**Библиография:**

1. Николаев С.А. Центральная Азия в геополитике: американский вектор (1991-2008 гг.) // *Международная жизнь*. 2011. № 2. С.27-44.
2. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «демократического мира» // *Международные процессы*. – 2005. – №3.
3. Будаев А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений). Автореферат дисс... канд. полит. наук. М.: ДА МИД РФ, 2014.
4. Манойло А.В. Интересы внешней политики США в Афганистане. // *Национальная безопасность/nota bene*. – 2012. – №3. – С. 76-81.
5. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: the Social Construction of Power Politics // *International Organization*. – Vol.46, no.2. – Spring 1992. – P.391-425.
6. Nye Joseph S. Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Group, 2004.
7. Манойло А.В. Стратегии «управляемого хаоса» в условиях хаотизации международных отношений: миф или реальность? // *NB: Международные отношения*. – 2014. – 1. – С. 1-3. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10750. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10750.html
8. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальное мировоззрение и глобальные исследования // *NB: Проблемы общества и политики*. – 2012. – 1. – С. 137-173. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_46.html
9. Карякин В.В. Цивилизационная антропология американского экспансионизма: от доктрины Монро к глобальному лидерству // *Международные отношения*. – 2013. – 4. – С. 487-468. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9722.
10. Филиппов В.Р. Буркина Фасо: политический кризис 2011 года // *Международные отношения*. – 2013. – 4. – С. 424-438. DOI: 11.7256/2305-560X.2013.4.9721.
11. Гушер А.И. Вызовы и угрозы безопасности России // *NB: Международные отношения*. – 2014. – 1. – С. 64-75. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html
12. A.A. Borisenkov. New Research Paradigm in Political Science // *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2013. – № 2. – С. 43-52. DOI: 10.7256/1339-3057.2013.2.10283.
13. Т. П. Петрова. Дипломатические отношения между Россией и Перу: современное состояние и динамика развития // *Международные отношения*. – 2012. – № 1. – С. 104-107.
14. Stiblar, F.F.. Economies of federal units of ex-Yugoslavia after independence // *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2013. – № 1. – С. 100-119. DOI: 10.7256/1339-3057.2013.1.9006.
15. Зобнин А.В. Информационная сила в мировой политике и международных отношениях // *Политика и Общество*. – 2014. – № 2. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.2.9671
16. A.S. Razin. Ethno-confessional relations in modern Russia: formation and epistemological status // *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2013. – № 2. – С. 32-42. DOI: 10.7256/1339-3057.2013.2.9940.
17. Будаев А.В. Публичная дипломатия в российско-бразильских отношениях // *Политика и Общество*. – 2014. – № 2. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.2.10164
18. Г. В. Лукьянов. Ливийско-суданские взаимоотношения в 1969–1989 годах // *Исторический журнал: научные исследования*. – 2012. – № 5. – С. 104-107.
19. И.Р. Султанов. Вопрос доверительности в отношениях субъектов в деятельности интеграционных организаций // *Международное право и международные организации / International Law and International Organizations*. – 2012. – № 4. – С. 104-107.
20. Кузнецова А.И. Роль национальной идентичности в международных отношениях на современном этапе // *Международные отношения*. – 2013. – № 2. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.02.11
21. А.А. Борисенков. Политические отношения – функции компонентов политического организма // *Политика и Общество*. – 2013. – № 5. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.05.1
22. Белковец Л.П., Шумская К.В. Российско-латвийские отношения первого периода независимости Латвии в контексте восточной политики Германии // *NB: Проблемы общества и политики*. – 2013. – № 4. – С.136-184. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.4.489. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_489.html
23. Андрушин С.В. Роль Европейского оборонного агентства в военной интеграции Европейского Союза // *NB: Национальная безопасность*. – 2013. – № 6. – С.31-44. DOI: 10.7256/2306-0417.2013.6.10681. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_10681.htm
24. О.Г. Карпович Антиглобализм и современные концепции глобального управления // *Политика и Общество*. – 2013. – 3. – С. 305-314. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.03.6.

25. А. Э. Галумов Перспективы публичной дипломатии и имиджа ЕС в России // *Международные отношения*. – 2012. – 1. – С. 118-127.
26. Т. П. Петрова Отношения США – Перу: Монроизм vs Боливаризма // *Национальная безопасность / nota bene*. – 2012. – 2. – С. 104-110.
27. Егоров В.Г. Постсоветские независимые государства: поиск формы правления // *Международные отношения*. – 2014. – 1. – С. 31-46. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.9798.
28. Гуаньцюнь Л. Роль тайваньской проблемы в морской политике КНР // *Международные отношения*. – 2013. – 4. – С. 469-509. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9754.
29. Райхлин Э.И. Авраам Линкольн и вторая американская революция // *NB: Международные отношения*. – 2014. – 2. – С. 62-85. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.2.9464. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_9464.html
30. Карпович О.Г. Демократия и демократизация в контексте нового миропорядка // *Политика и Общество*. – 2013. – 8. – С. 1012-1020. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.9142.
- otnosheniya. – 2014. – 1. – С. 1-3. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10750. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10750.html
8. Ursul A.D., Ursul T.A. Global'noe mirovozzrenie i global'nye issledovaniya // *NB: Problemy obshchestva i politiki*. – 2012. – 1. – С. 137-173. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_46.html
9. Karyakin V.V. Tsivilizatsionnaya antropologiya amerikanskogo ekspansionizma: ot doktriny Monro k global'nomu liderstvu // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2013. – 4. – С. 487-468. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9722.
10. Filippov V.R. Burkina Faso: politicheskii krizis 2011 goda // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2013. – 4. – С. 424-438. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9721.
11. Gusher A.I. Vyzovy i ugrozy bezopasnosti Rossii // *NB: Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2014. – 1. – С. 64-75. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html
12. A.A. Borisenkov. New Research Paradigm in Political Science // *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2013. – № 2. – S. 43-52. DOI: 10.7256/1339-3057.2013.2.10283.
13. T. P. Petrova. Diplomatichekские otnosheniya mezhdou Rossiei i Peru: sovremennoe sostoyanie i dinamika razvitiya // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2012. – № 1. – S. 104-107.
14. Stiblar, F.F.. Economies of federal units of ex-Yugoslavia after independence // *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2013. – № 1. – S. 100-119. DOI: 10.7256/1339-3057.2013.1.9006.
15. Zobnin A.V.. Informatsionnaya sila v mirovoi politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh // *Politika i Obshchestvo*. – 2014. – № 2. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.2.9671
16. A.S. Razin. Ethno-confessional relations in modern Russia: formation and epistemological status // *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2013. – № 2. – S. 32-42. DOI: 10.7256/1339-3057.2013.2.9940.
17. Budaev A.V.. Pablichnaya diplomatiya v rossiisko-brazil'skikh otnosheniyakh // *Politika i Obshchestvo*. – 2014. – № 2. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.2.10164
18. G. V. Luk'yanov. Liviisko-sudanskіe vzaimootnosheniya v 1969–1989 godakh // *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. – 2012. – № 5. – S. 104-107.
19. I.R. Sultanov. Vopros doveritel'nosti v otnosheniyakh sub'ektov v deyatel'nosti integratsionnykh organizatsii // *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye*

References (transliteration):

1. Nikolaev S.A. Tsentral'naya Aziya v geopolitike: amerikanskii vektor (1991-2008 gg.) // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2011. № 2. S.27-44.
2. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. Krizis idei «demokraticeskogo mira» // *Mezhdunarodnye protsessy*. – 2005. – №3.
3. Budaev A.V. Rol' «myagkoi sily» vo vneshnei politike Rossii (na primere rossiisko-brazil'skikh otnoshenii). Avtoreferat diss....kand. polit. nauk. M.: DA MID RF, 2014.
4. Manoilo A.V. Interesy vneshnei politiki SShA v Afganistane. // *Natsional'naya bezopasnost'/nota bene*. – 2012. – №3. – S. 76-81.
5. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: the Social Construction of Power Politics // *International Organization*. – Vol.46, no.2. – Spring 1992. – P.391-425.
6. Nye Joseph S. Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Group, 2004.
7. Manoilo A.V. Strategii “upravlyaemogo khaosa” v usloviyakh khaotizatsii mezhdunarodnykh otnoshenii: mif ili real'nost'? // *NB: Mezhdunarodnye*

Международные отношения: системы взаимодействия

- organizatsii / International Law and International Organizations. – 2012. – № 4. – С. 104-107.
20. Kuznetsova A.I. Rol' natsional'noi identichnosti v mezhdunarodnykh otnosheniyakh na sovremennom etape // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2013. – № 2. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2305-560Kh.2013.02.11
 21. A.A. Borisenkov. Politicheskie otnosheniya – funktsii komponentov politicheskogo organizma // *Politika i Obshchestvo*. – 2013. – № 5. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.05.1
 22. Belkovets L.P., Shumskaya K.V. Rossiisko-latviiskie otnosheniya pervogo perioda nezavisimosti Latvii v kontekste vostochnoi politiki Germanii // *NB: Problemy obshchestva i politiki*. – 2013. – № 4. – С. 136-184. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.4.489. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_489.html
 23. Andryushin S.V. Rol' Evropeiskogo oboronno agentstva v voennoi integratsii Evropeiskogo Soyuzha // *NB: Natsional'naya bezopasnost'*. – 2013. – № 6. – С. 31-44. DOI: 10.7256/2306-0417.2013.6.10681. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_10681.htm
 24. O.G. Karpovich Antiglobalizm i sovremennye kontseptsii global'nogo upravleniya // *Politika i Obshchestvo*. – 2013. – 3. – С. 305-314. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.03.6.
 25. A. E. Galumov Perspektivy publichnoi diplomatii i imidzha ES v Rossii // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2012. – 1. – С. 118-127.
 26. T. P. Petrova Otnosheniya SShA – Peru: Monroizm vs Bolivarizma // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*. – 2012. – 2. – С. 104-110.
 27. Egorov V.G. Postsovetskie nezavisimye gosudarstva: poisk formy pravleniya // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2014. – 1. – С. 31-46. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.9798.
 28. Guan'tsyun' L. Rol' taivan'skoi problemy v morskoi politike KNR // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2013. – 4. – С. 469-509. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9754.
 29. Raikhlin E.I. Avraam Linkol'n i vtoraya amerikanskaya revolyutsiya // *NB: Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2014. – 2. – С. 62-85. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.2.9464. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_9464.html
 30. Karpovich O.G. Demokratiya i demokratizatsiya v kontekste novogo miroporyadka // *Politika i Obshchestvo*. – 2013. – 8. – С. 1012-1020. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.9142.